

лому, а вертится и ждёт, когда
оно пойдёт на гору. А застыл,
как будто не желал, что-бы оно е-
ней фхалт, бросает солому фруае-
ся. Ей любо, что «скамьямгичку»
хватает и садит её, как попалю
толкая шпик. Дѣвушка съ голово-
кружательной быстротой несется, не
думая, что тамъ огромная яма я по-
сть пѣсенку:

«Помиленокъ, какъ телючокъ,
Половацию больно зовокъ,
Нѣту сонель, нѣту стинь,
Половацию лонко съ-имъ»

— Ну лонко дакъ поцолуемсе!—
слышится другой голосъ...

— Иди-ты, зимогорь... съ тобой-то
«Ардапенуха» не поцолуеши!—отъ-
часть пѣвущая, а сама хохочетъ.

— Ну дѣнки, слушайте, я сейчасъ
свою пѣню, какъ въ Никольскомъ
уѣздѣ поютъ «каравушки».

— Валл!

Молодежь беретъ рукавицу, пред-
ставляя, что это гармоника и зау-
пывшимъ голосомъ, изгибаясь и поды-
мая рукавицу къ уху, машинаетъ:

«Три-та ти-та тири-ри-ри-та
Охъ, свою милу-ую це-суюлю
Да на кашольт покажолою
Охъ, на кашольт маховой
Да-а со це-суюлей со спосей...»

— Аи да Миша! Здорово, спой
еще!..

Царень не скуражится и запѣна-
етъ дружокъ:

«Охъ по-ойдечл, ми-палл, по-о-
дружка
Въ по-оте на проталаникъ.
Охъ не-идеть-ли и дорога-шникъ
Ни-в исет-ли па-зренки...»

— Вотъ такъ гостинеч! пареная

рѣна! Ха-ха-хо! — раздается дѣвочий
смѣхъ.— Вотъ-бы оно какъ пѣл-л-л-л-л-л-л,
по нашему:

— «Д» любовь мою
Чьсы калаша вяточка,
Сколь играетъ харашо,
Пелушай супетатчка».

— Ну ужъ и ты тоже сигѣла такъ,
што не въ одномъ Интерѣ не сигѣл.

— Эти ведуть!—вскричать кто-то
вполголоса. Все столпилось въ од-
но мѣсто около «лоха» Молодая бабы
чуть не силой тащица «сновоженю»,
приговаривая:

— Вотъ ты какой намъ зетекъ-отъ
любой! Смотри, мы тля-тибя што
устроиш, а конрикъ-отъ изъ чистю-
ла золота выковали... Подайте ему,
дѣвушки!

Дѣвушки подносятъ соломенный ко-
веръ. Молодой зять усаживается на
солому со своей «супружницей» и на-
дастъ въ выбитую вынзу ячу. Тогда
подбѣгаютъ вѣт, хватають «молодыхъ»
на руки и съ крикомъ «ура» качаютъ
до тѣхъ поръ, пока зять не выки-
нетъ на четвертую.

Главный праздникъ, какъ и вездѣ,
—катаніе на лошадахъ. Лошадей уби-
рають лентами и разноцветными ло-
скутками, садятся парочками и от-
правляются туда, гдѣ ежегодно уста-
новлено катаніе. Въ Дубровскомъ ка-
таложися собирается масса: тутъ мож-
но увидать и напѣвничихъ купечес-
кихъ сынковъ и дочекъ на лихой
тройкѣ съ бубенцами, и поблѣдѣн-
шую отъ моряка парумяненную и ла-
блѣнную «марьяжку» съ пивнью «ка-
валеромъ», который гнетма и дома-
ется, безпрестанно подхлестывая свою
каляу.

Сначала наблюдается образцовый
порядокъ, недвѣжизимый старостамъ,
стражникамъ и десятскими съ-
урядникомъ по глави, а потомъ, ко-
гда «заложить», какъ събѣдуетъ, —
махни рукой.

«Ахъ моя милая,
Ахъ дорогая,
На тебя кубочка
Блѣдно-голубая...»

— Будеть, Коли не хорошо, вв-
дпшь, вѣдь, народъ смотритъ,—иен-
чать дѣвушка старалась вырыть свою
руку изъ руки пьянаго Коли.

— Николаха, гуляй во юю!—слы-
шится съ другихъ сапей, и ухар
скалъ пѣснл залунаетъ слова подхо-
дичаго блестящаго порядка:

Мы безъ пожиковъ не ходимъ,
Безъ камня нековды
Насъ за ножки въ правленье,
За камень не куды!..

— Потпше, потпше, а то живо на-
ведемъ изъ круговой—принимая стро-
гий видъ, кричитъ урядникъ.

Но пѣвака, подхлестнувши лоша-
дѣ еще глѣнче заорать:

«Наши стражники, урядники,
Боятся молодцовъ».

Понадетесь въ наши руки,
Изоремъ, какъ подлоцовъ».

— Ага, такъ вонъ ты какой!
Крикуна съ лошады выводить и
отпиралюво во своисл.

А оно, не палая духомъ,—крипитъ:

Семьсотъ пропьемъ,
Не поморшимся;

Въ слѣбрь-катару поидемъ,—
Не покочимся...»

Съ другого конца улицы бѣгутъ то-
же выставленный и обнимая свою
«милашку» петь:

Мелница шатровая
Въ тѣльцѣ не соходится,
Борона желѣзная
Подъ судомъ находится.

— И дунды, что смѣются надъ ея
пѣней, зашлѣ громче, нахлобучи-
вая шапку на глаза:

— Возьму остроую пилу.
Пойду яблочки конать.
Не прѣбдетъ ли милая
Рядомъ съю борознить?

Потомъ уткуишисъ въ передокъ
сапей, забормотали:

На сараѣ-то дута,
Миска дома не живетъ,
Колокольца покривилась,
Любо имечко Иванъ».

Часовъ въ 6 вѣчера катаніе конча-
ется, вѣт разлазжаются по домамъ,
обнима другъ друга, жесмотря на
глубокій снѣгъ и спора, у кого ка-
кая лошадъ.

— Вонъ у меня буланка-то што дѣ-
лала—не гляди, што такой окребею
токъ, а (айкинскомъ сто-рублею
мо не поддалась,—хвастается какой-
нибудь дуралей своему товарищу:

Прѣхалиши домой, дѣвица собира-
ются «на веселую» гулять съ молодца-
ми, а подростки не отходягъ ничи-
вою ночь (отъ лоха: котны съ зате-
ряно утомлютъ любезныхъ зятюшекъ)

утомляютъ на славу, просятъ «набѣдъ-
ся» на 7-мъ недѣль...

Маленькая развалившаяся хижаина
неумѣло облаченная соломенной зава-
липой: если посмотритъ мелькомъ на
эту хижино, то не подумаетъ, что
въ ней живутъ, по когда войдешь,
то увидишь, что и се не обошла ши-
рокая масленица.

Въ переизлетъ углу стоитъ столъ,
покрытый бѣлою скатертью, за сто-
ломъ ситягъ «молодые». Оно—бѣлый
съ рыжими усами, ловкій и увертливъ-
ный. Она—чернобурая красавица въ
новомъ ситцевомъ канотѣ. Опрятная
старушка съ умнымъ веселымъ лицомъ
рада насильно набить въ ротъ «кско-
му зетюшкю» «Миколоау Петровячу».

Это слова Дарья, въ шатнѣшемъ году
выдала свою единственную дочку за
работаго «съ литейкова зарода».

Наконецъ настало «прондженое» вос-
кресенье. Люди почти весь день
вѣють, бѣдятъ и веселятся, пригото-
вляясь къ великому посту.

«Милой мой, а я тыюл,
Куда хонь, дѣвачъ меня.
Нѣ-за тебя худая жель,—
Хонь живая въ гробъ ложись».

Друбуетъ снѣгъ везелку дѣвушка,
по пѣсня какъ-то не клеится, потому
уже подвигаются сумерки великол-
етинныхъ будней. Замтра вѣнѣсто вѣ-
селой пѣсенки надо тянуть:

Ходила ходила,
Святая дѣва,
Некала некала
Иисуса Христа...»

Сумрки совсѣмъ ступились. Бо-
елда стала расходиться. Низкіе по-
клона: поѣбдуй...

— Прости меня грѣшную...

— Вотъ прогити,—слышится отъ
вѣт—и горячий подблудй раздастся
въ вѣт.

На самомъ дѣлѣ молодежи—не до
грѣшнѣ. Ей нужна жизнь, полная
счастья и любви.

Паша Горемыка.

Широкая масленица.

(Въ вологодской деревнѣ).

Масленица въ разгарѣ. Среди де-
ревни сдѣлана лѣдная гора, по де-
ревьски «лохъ». «Лохъ» дѣлали не
одну недѣлю, главными работниками
были подростки, а вечеромъ и дѣ-
вушки помогали носить воду. Мелоды
сдѣлали украшеніе; нарубойли
слозь въ тѣсу, надѣлали бумажачихъ
фонарей, повѣсили на елки по три
пугки разноцвѣ цвѣтовъ. Словожь,
«лохъ» явнелъ на славу,—катайся,
если бока крѣпки.

Вечеръ. Горять на «лоху» огни.
Дѣвушки въ старыхъ «тропюшпкахъ»
«стенушкахъ» и въ мужскихъ пин-
жакахъ съ выгомъ и пѣснями кувир-
куютъ въ вѣнѣтуру яму въ концѣ «ло-
ха».

Бѣднть на соломы.

— Машка, лѣшая, дай солонокъ, а
пѣтъ на тѣбѣ поѣду, на окалиной!..
—слышится голосъ «молодая». Но
Машка и не думаетъ ему бросать со-